

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дело № 82-О12-33

КАССАЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

г. Москва

30 октября 2012 г.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в составе:

председательствующего - Коваля В.С.,
судей Земскова Е.Ю., Кулябина В.М.
при секретаре Стасенковой А.Ю.,
рассмотрев в открытом судебном заседании:

кассационные жалобы осужденных Соколова В.В., Симакова Д.А., адвокатов Буракова В.Е., Чечерина О.В., Михайловича И.М., Асулбаевой Т.С., потерпевшей Ш [REDACTED] на приговор Курганского областного суда от 8 июня 2012 года, по которому:

Соколов В [REDACTED] В [REDACTED] [REDACTED]
[REDACTED] несудимый,

осужден по п. «ж» ч.2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации к лишению свободы на срок 15 лет в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на срок 1 год;

на основании ст. 53 Уголовного кодекса Российской Федерации на осужденного возложены ограничения, указанные в приговоре,

на основании ст. 53 Уголовного кодекса Российской Федерации на осужденного возложены ограничения, указанные в приговоре.

- в пользу потерпевшей III [] компенсация морального вреда в размере [] рублей в равных долях, то есть по [] рублей с каждого, возмещение ущерба, связанного с оплатой услуг представителя [] рублей, то есть по [] рублей с каждого,

- в пользу федерального бюджета процессуальные издержки по возмещению расходов, понесенных свидетелями в связи с проездом в суд по [] рублей с каждого,

- на постановление Курганского областного суда от 13 января 2012 года, которым отказано в удовлетворении ходатайства защитников Буракова, Семеновой, Чечерина, Михайловича, Асулбаевой, подсудимых Соколова и Симакова о возвращении уголовного дела прокурору в связи с нарушением уголовно-процессуального закона при составлении обвинительного заключения;

- на постановление Курганского областного суда от 1 марта 2012 года, которым оставлено без удовлетворения ходатайство защиты в части вызова экспертов П [] и Т [] свидетелей Н [], Б [], Ф [], Д [], оглашении показаний свидетеля Д [], удовлетворено ходатайство стороны защиты в части вызова свидетелей К [], А [], С [] и Б [] и принятии мер по допросу в судебном разбирательстве свидетеля П [], отбывающей лишение свободы;

- на постановление Курганского областного суда от 20 апреля 2012 года, которым оставлено без удовлетворения ходатайство стороны защиты о назначении повторной комиссионной судебно-медицинской экспертизы трупа погибшего и его эксгумации; о назначении повторной комиссионной судебно-медицинской экспертизы в отношении подсудимого Соколова; об осмотре вещественных доказательств – сведений о телефонных соединениях свидетелей К [REDACTED], Ю [REDACTED], П [REDACTED], В [REDACTED] и предоставлении стороне защиты для ознакомления сведений о телефонных соединениях свидетеля К [REDACTED] о вызове и допросе в качестве свидетелей понятых З [REDACTED], П [REDACTED], В [REDACTED], Л [REDACTED], Б [REDACTED] и А [REDACTED]

Заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Земскова Е.Ю., выступление осужденных Соколова В.В., Симакова Д.А., адвокатов Асулбаевой Т.С. в его интересах, адвокатов Захарова А.П., Чечерина О.В. в интересах Соколова В.В. в поддержку доводов

кассационных жалоб, мнение прокурора Химченковой М.М. об отсутствии оснований для удовлетворения кассационных жалоб, Судебная коллегия

установила:

Соколов В.В. и Симаков Д.А. признаны виновными в совершении группой лиц убийства А [REDACTED]

Преступление совершено 28 августа 2010 года около 3 часов 30 минут в г. [REDACTED] области при обстоятельствах, изложенных в приговоре.

По выводам суда в ночном клубе « [REDACTED] с целью лишения жизни, Соколов и Симаков нанесли А [REDACTED] по голове и телу многочисленные удары ногами. После этого Соколов нанес А [REDACTED] два удара по голове и телу доской, а Симаков удар по голове тепловой пушкой (электрообогревателем). Затем Соколов прыгнул на голову А [REDACTED] и нанес ему удар по голове тем же электрообогревателем. Далее Соколов и Симаков нанесли А [REDACTED] множественные удары руками и ногами по голове, а Симаков, кроме того, удар по голове ящиком стола.

В кассационных жалобах:

потерпевшая Ш [REDACTED] считает чрезмерно мягким наказание, назначенное осужденным, просит приговор либо отменить с направлением дела на новое судебное разбирательство, либо назначить более строгое наказание в виде пожизненного лишения свободы;

адвокат Бураков В.Е. в интересах осужденного Соколова В.В. просит приговор отменить, уголовное дело в отношении Соколова В.В. прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления. Приговор постановлен на противоречивых показаниях свидетелей Ю [REDACTED], К [REDACTED] Ж [REDACTED] и др., которым дана неверная судебная оценка. Заключение судебно-медицинских экспертиз причина смерти А [REDACTED] установлена неправильно. У Соколова никакой неприязни к А [REDACTED] не было. В обоюдной драке он не участвовал, телесных повреждений А [REDACTED] не причинял, считает себя потерпевшим, так как А [REDACTED] беспричинно выстрелил ему в голову из травматического пистолета. Пуля попала в руку, которой он прикрыл голову, причинив средней тяжести вред здоровью (т. 18 л.д. 55-56);

в дополнительной жалобе адвокатом обращается внимание на несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела, на противоречия в показаниях свидетелей Ю [REDACTED] П [REDACTED], Ж [REDACTED] и К [REDACTED], положенных в основу приговора, которые не получили надлежащей оценки суда, на ошибочную в целом оценку показаний свидетелей и других

доказательств обвинения, которые противоречат доказательствам защиты и друг другу, не подтверждая выводы суда, приводится собственный анализ доказательств. В числе противоречий адвокат указывает различия в показаниях свидетелей Ю[] и К[] о конкретных действиях осужденных по причинению телесных повреждений, различия в показаниях Ж[] и К[] о том, кто первым из осужденных нанес удар радиатором, о позе А[] в этот момент, по вопросу о количестве лиц, избивавших А[] и других обстоятельствах. По утверждению защиты свидетели оговорили осужденных при наличии установленных мотивов для этого. Доказательства стороны обвинения противоречат совокупности доказательств стороны защиты и не дают основание для достоверного вывода о виновности осужденных. Адвокат считает ошибочным основанный на оценке актов судебно-медицинских экспертиз вывод суда о причине смерти А[] вследствие черепно-мозговой травмы и доказанности причинной связи между действиями, за которые осуждены Соколов и Симаков, и причиненным вредом. По делу не устранены сомнения в возможности получения повреждений А[] при падении, при нанесении ударов и прыжке на него лицом, обутым в мягкую обувь, поскольку оба осужденных были в сланцах, в том, что Соколов с имеющейся травмой мог совершать действия, которые ему инкриминированы. Адвокат не согласен с оценкой судом актов судебно-медицинских экспертиз, с выводом об отсутствии оснований для проведения повторных экспертиз, в связи с чем помимо приговора просит отменить постановление об отказе в удовлетворении ходатайств от 20.04.2012 года. В жалобе на данное постановление адвокат также ссылается на необоснованный отказ в осмотре вещественных доказательств – сведений о телефонных соединениях свидетелей К[], Ю[], П[], В[] предоставлении стороне защиты сведений о телефонных соединениях К[] на неправомерный отказ в вызове в суд свидетелей З[], П[], В[], Л[], Б[], А[]

в кассационной жалобе на постановление от 1.03.2012 года адвокат ссылается на необоснованный отказ в вызове в суд свидетелей Н[], Б[], Ф[], Д[] экспертов Пр[] и Т[], в оглашении показаний свидетеля Д[]

в кассационной жалобе на постановление суда от 13 января 2012 года адвокат Бураков В.Е. оспаривает вывод суда об отсутствии оснований для возвращения уголовного дела прокурору в связи с заявленными стороной защиты ходатайствами, согласно которых следователь допустил нарушение требований уголовно-процессуального закона, приобщив к делу **видеозаписи пояснений свидетелей и их письменное содержание**, не указав их в обвинительном заключении в качестве доказательств стороны защиты, не привел их содержание и не указал в справке к обвинительному заключению

сведения о направлении **видеозаписей** в суд вместе с уголовным делом; при составлении обвинительного заключения следователь обвинение изложил неконкретно и противоречиво, не оценил предшествующие причинению смерти события, не дал правовой оценки действиям А [REDACTED], а также привел собственные пояснения к доказательствам, выйдя за рамки предъявленного Соколову и Симакову обвинения. По мнению адвоката, изложенные нарушения являются основанием для возвращения уголовного дела прокурору, в связи с чем постановление суда является незаконным, просит его отменить (т.18 л.д. 75-76);

адвокатами Чечериным О.В. и Михайловичем И.М. в защиту Соколова В.В. в совместной жалобе, адвокатом Чечериным О.В. в дополнительной жалобе, осужденным Соколовым В.В. в кассационной жалобе ставится вопрос об отмене приговора с прекращением уголовного дела ввиду несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела, нарушения норм уголовно-процессуального закона, несправедливости вынесенного приговора. В дополнительной жалобе осужденного Соколова В.В. ставится вопрос об отмене приговора с направлением дела на новое рассмотрение.

В обоснование жалоб адвокаты и осужденный ссылаются на нарушение судом требований ст. 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о пределах судебного разбирательства, поскольку суд установил факт драки между А [REDACTED] и Соколовым, которая последнему не вменялась. Судом не дана надлежащая оценка доводам стороны защиты о недостатках судебно-медицинских экспертиз, которые сторона защиты излагает и анализирует в жалобе. По мнению защиты, возможность наступления смерти А [REDACTED] в результате падения по делу не исключена, также как является сомнительным вывод о возможности для Соколова с учетом его травмы наносить удары правой рукой, обращается внимание на нарушение процессуальных норм при вынесении постановлений следователя о назначении судебно-медицинских экспертиз и несвоевременном ознакомлении с ними, чем были нарушены права, предусмотренные ст. 195, 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. По мнению защиты, приговор постановлен на противоречивых доказательствах, показаниях Ю [REDACTED], К [REDACTED], Ж [REDACTED], П [REDACTED], анализ которым дается в жалобе. Здесь же приводятся показания свидетелей С [REDACTED], Б [REDACTED] А [REDACTED] [REDACTED], подтверждающие, по мнению защиты, доводы о необоснованности выводов суда в отношении Соколова, критикуются доказательства, положенные в основу приговора, как недопустимые, недостоверные и недостаточные для выводов, которые сделал суд;

адвокатом Асулбаевой Т.С. в интересах осужденного Симакова Д.А. ставится вопрос об отмене приговора ввиду его необоснованности. Суд необоснованно отказал в проведении повторной судебно-медицинской

экспертизы для установления причины смерти А [] с учетом имеющихся противоречий в доказательствах, которым дается анализ в жалобе; приводятся показания Симакова о том, что после падения на А [] его кто-то оттащил от него, порвал рубашку, в драке он участия не принимал, поднимался на танцпол, искал кого-нибудь из руководства, затем видел, как А [] грузили в автомобиль скорой помощи. Защитой со ссылкой на доказательства, которым дается отличающийся от судебного анализ, утверждается об обоснованности версии осужденного и недоказанности его виновности. На основании доказательств, подтверждающих факт выстрела А [] в жизненно важный орган А [] Д., адвокатом критикуется вывод суда о том, что А [] действовал правомерно, защищаясь от нападения. Адвокат также считает, что у Симакова, прыгнувшего на А [], после выстрела в Соколова возникло право на необходимую оборону, просит приговор отменить и прекратить уголовное преследование за отсутствием состава преступления;

осужденный Симаков Д.А. в кассационной жалобе и дополнении к ней, основываясь на доказательствах, которые он указывает в жалобе, приводит доводы аналогичные изложенным в жалобе своего защитника, анализируя противоречия в доказательствах стороны обвинения, которым суд не дал надлежащей оценки, ссылается на свою невиновность, просит приговор отменить, а уголовное преследование в отношении него прекратить.

По делу поступили возражения государственного обвинителя Виноградова О.А. и потерпевшей Ш [] на кассационные жалобы осужденных и адвокатов, возражения адвокатов Буракова В.Е., Чечерина О.В., Михайловича И.М., Асулбаевой Т.С., осужденного Соколова В.В. на кассационные жалобы потерпевшей Ш []

Рассмотрев материалы уголовного дела, обсудив доводы, приведенные в кассационных жалобах, Судебная коллегия не находит оснований для их удовлетворения.

Суд, сохраняя беспристрастность, обеспечил проведение судебного разбирательства, всестороннее и полное исследование обстоятельств дела на основе принципов состязательности сторон, их равноправия перед судом, создав необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

Постановленный судом приговор соответствует требованиям уголовно-процессуального закона к его содержанию. В нем отражены обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ, проанализированы подтверждающие их доказательства, получившие надлежащую оценку, с приведением ее мотивов, аргументированы выводы,

относящиеся к вопросу квалификации преступления, разрешены иные вопросы, имеющие отношение к настоящему делу, из числа предусмотренных ст. 299 УПК РФ.

Из протокола судебного заседания видно, что судебное следствие проведено в соответствии с требованиями ст.ст.273-291 УПК РФ. Нарушений уголовно-процессуального закона, которые бы путем лишения или ограничения гарантированных законом прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на постановление законного, обоснованного и справедливого приговора, Судебная коллегия не усматривает.

Все представленные суду доказательства были исследованы, все заявленные ходатайства на судебном следствии были рассмотрены. Решения суда по ним, вопреки доводам жалоб, являются правильными, подтверждаются уголовно-процессуальными основаниями, которые усматриваются в материалах дела. Промежуточные решения суда 1 инстанции, которые обжалованы адвокатом Бураковым В.Е., не подлежат самостоятельному обжалованию, поэтому изложенные в данных жалобах доводы Судебная коллегия рассматривает как доводы жалоб на постановленный обвинительный приговор.

Так адвокатом Бураковым В.Е. приводятся доводы о том, что суд необоснованно постановлением от 13.01.2012 года отказал в возвращении уголовного дела прокурору. При этом в суде 1 инстанции сторона защиты ссылаясь на то, что следователь не указал в обвинительном заключении доказательства защиты - видеозаписи пояснений свидетелей и их письменное содержание, приобщенные к делу, а в справке к обвинительному заключению не привел сведения о направлении указанных доказательств в суд. Кроме того на неправомерность обвинительного заключения, по мнению адвоката, указывает отсутствие данных о предыдущем преступном поведении А [] по отношению к А [] Б [], Соколову и Симакову (т. 18 л.д. 75-76). Разрешая ходатайство, суд установил, что указанная в ходатайстве неполнота обвинительного заключения восполнима в судебном заседании, не препятствует постановлению приговора, который может быть как обвинительным, так и оправдательным, правомерно в соответствии со ст. 237 УПК РФ отказал в возвращении уголовного дела прокурору. При этом в процессе судебного разбирательства неполнота в доказательствах защиты была восполнена, видеозаписи были представлены в суд и исследованы в судебном заседании, приведены в приговоре и получили в нем судебную оценку, равно как и поведение А []. Несогласие стороны защиты с такой оценкой не является основанием для отмены приговора.

Виновность Соколова и Симакова подтверждается совокупностью доказательств, которые суд привел в приговоре.

В судебном разбирательстве дела Соколов и Симаков виновными себя не признали, Соколов заявил о своей непричастности к убийству А [REDACTED], а Симаков пояснил, что, обороняясь от потерпевшего, прыгнул на него, но никаких ударов ему не наносил.

Суд, исследовав доказательства, представленные сторонами, обоснованно счел версии осужденных опровергнутыми.

По показаниям свидетеля Ю [REDACTED] в судебном заседании она работала кассиром в клубе. Там же несколько раз видела Соколова и Симакова, знала их в лицо. 27.08.2010 года она находилась на рабочем месте, расположенном при входе в клуб. Администратор Ж [REDACTED] не пропустил в клуб Б [REDACTED] и А [REDACTED] Д., который был с ним и пытался пронести бутылку пива, что запрещено правилами клуба. Между ними началась драка, дерущиеся упали на ее стол, в связи с чем она вышла на улицу, чтобы не пострадать. Перед этим через А [REDACTED] позвала охранников. Видела как они, то есть, А [REDACTED] и П [REDACTED], спускались. Когда она находилась на улице, дважды были слышны звуки выстрелов. С места, где она находилась на улице, просматривался выход. В этом месте в конце драки она видела А [REDACTED], который лежал на полу лицом вниз головой к двери, сопротивления не оказывал. В этот момент Соколов нанес по его голове более 2-х ударов ногой, затем вышел на улицу. Оставшийся с А [REDACTED] Симаков нанес ему удары по голове частью стола более 2-х раз. В этот момент возле А [REDACTED] находился только один Симаков. Участники конфликта А [REDACTED] Д. и Б [REDACTED] вышли на улицу ранее Соколова.

Критикуя выводы о виновности осужденных, сторона защиты ссылается на ряд противоречий в показаниях Ю [REDACTED]. По первым показаниям она не разглядела в лицо человека в светлой рубашке, наносившего удар доской. На втором допросе она дала показания в отношении Соколова, а в третьих показаниях - и в отношении Симакова. Имеются также несоответствия показаний в части, касающейся действий осужденных (нанесение ударов ногами Симаковым, одновременно нанесение ударов и т.п.).

Однако приведенные доводы не дают оснований для удовлетворения кассационных жалоб.

Причины расхождений в показаниях Ю [REDACTED] в суде и на предварительном следствии о лицах, избивавших А [REDACTED] и объеме действий осужденных, судом установлены, а сами противоречия, которые не являются существенными, устранены.

По показаниям Ю [] [] от 28 августа 2010 года она, находясь на улице, видела как в фойе, где происходила драка между Ж [] и двумя мужчинами, спустились люди, в том числе А [] затем раздались выстрелы. На улицу вышел один из двух подравшихся с Ж [] мужчин, прикрывая правый глаз рукой. Наблюдая с улицы за входом в клуб, видела как человек в светлой рубашке или футболке наносит по голове лежащего без движения А [] удары предметом, похожим на доску (т. 2, л.д. 1-2).

По ее же показаниям от 30 августа 2010 года через некоторое время после того, как в фойе спустились А [] и П [], она услышала выстрелы, а затем один из посетителей вышел на улицу, на его лице была кровь. Потом в фойе забежали мужчины из компании Соколова и стали избивать А [] и Ж [] после чего она вновь услышала выстрелы. Затем она увидела, что лежащему на полу и не оказывающему сопротивления А [] наносят удары по голове, в том числе и Соколов. После этого мужчина в светлой футболке ударил А [] по голове ящиком стола (т. 2, л.д. 3-5).

21 сентября 2010 года свидетель Ю [] [] подтвердив прежние показания, уточнила, что молодым человеком, наносившим удары ящиком стола по голове А [], был Симаков, данные которого ей стали известны позднее (т. 2, л.д. 6-9).

В ходе очных ставок с Соколовым и Симаковым свидетель Ю [] [] заявила, что именно они наносили удары А [] (т. 2, 21-23, 24-28).

Из показаний на месте происшествия Ю [] следует, что Симаков и Соколов ногами били по голове А [], а Симаков, кроме того, ударил потерпевшего по голове плоским предметом (т. 2, л.д. 10-12).

18 июля 2011 года свидетель Ю [] вновь показала, что видела, как Соколов наносил удары ногами по голове лежащему А [], а Симаков бил его по голове плоским предметом (т. 8, л.д. 50-53).

Причины различий в своих показаниях свидетель объяснила своим волнением и психологическим состоянием, вызванным случившимся и ситуацией расследования, в которой она оказалась впервые. В процессе следствия она постепенно успокаивалась и вспоминала детали случившегося, уточняя и дополняя показания.

Указанное объяснение причин изменения показаний является логичным и убедительным. Ссылка на психологическое состояние как причину некоторых пробелов в ее первых и вторых показаниях является приемлемым объяснением.

После воспроизведения видеозаписи проверки показаний Ю [] пояснила, что это наиболее достоверные показания, в частности о нанесении Симаковым ударов ногой, поскольку, находясь на месте происшествия, она

смогла лучше вспомнить и более точно воспроизвести детали исследуемого события.

С целью проверки показаний свидетеля судом осуществлен осмотр места происшествия и следственный эксперимент, в ходе которых она вновь, продемонстрировав действия осужденных, показала, как ими были нанесены удары погибшему, и указала место, с которого она за ними наблюдала. При этом суд непосредственно убедился, что с места, указанного Ю [REDACTED], она могла видеть действия участников конфликта, о которых дала показания, что судом учтено в своих выводах.

Результаты судебного осмотра соответствуют протоколу проверки показаний на месте от 10.11.2010 г. Следователем было установлено место, с которого Ю [REDACTED] наблюдала действия осужденных, находящееся в 18 метрах от крыльца клуба. Как установлено в ходе следственного действия, с указанной точки фойе довольно хорошо просматривается (т.2 л.д. 11).

Оценивая показания свидетеля Ю [REDACTED], суд не усмотрел оснований не доверять им.

Факт присутствия Ю [REDACTED] на месте происшествия с самого начала конфликта подтверждается показаниями свидетелей Ж [REDACTED], А [REDACTED] Ю [REDACTED], содержанием показаний Ю [REDACTED] которая назвала подробности конфликта, свидетельствующие о том, что она являлась его очевидцем.

Оснований для оговора осужденных у Ю [REDACTED] по материалам дела не усматривается. Ю [REDACTED] работала кассиром в ночном клубе, в каких-либо личных взаимоотношениях с участниками уголовного судопроизводства не находилась. Оснований считать необъективными ее показания суд не усмотрел. Утверждая, что Ю [REDACTED] дает показания о событиях, очевидцем которых она не являлась, сторона защиты не смогла разумно объяснить, зачем Ю [REDACTED] это нужно.

О принципиальности Ю [REDACTED] говорят ее показания о попытке В [REDACTED] склонить ее к изменению показаний, на что она не согласилась. Указанное обстоятельство, со слов Ю [REDACTED], подтвердил свидетель С [REDACTED]. Данное ответственное поведение свидетеля подтверждает вывод суда о наличии оснований доверять ее показаниям.

Таким образом, наличие в показаниях Ю [REDACTED] расхождений по некоторым деталям происшествия не свидетельствует о том, что она дала ложные показания. Имеющимся противоречиям Ю [REDACTED] дала исчерпывающие объяснения, в связи с чем суд не нашел оснований ставить ее показания под сомнения.

С данным выводом Судебная коллегия согласна, поскольку указанные противоречия, помимо того, что они устранены, являются к тому же несущественными для вывода суда о том, что А [REDACTED] избивали именно Соколов и Симаков. Ю [REDACTED] неоднократно утверждала, что в избиении А [REDACTED] принимали участие оба осужденных, наносили ему удары по его

голове. Расхождения в ее показаниях, относящиеся к числу ударов, последовательности действий и т.п., не являются существенными для указанного вывода, не свидетельствуют о недостоверности ее показаний, как это утверждает сторона защиты в своих жалобах.

Доказательственное значение показаний Ю [] заключается в том, что она наблюдала завершающую фазу драки с участием А [] Предшествующие этому обстоятельства драки Ю [] не видела, так как несколько раз забежала за угол, опасаясь выстрелов, звуки от которых периодически раздавались в фойе клуба.

Свидетель дала уверенные и обстоятельные ответы на все заданные вопросы, объяснив все отмеченные сторонами различия в показаниях на следствии, настаивая на правильности сообщенных ею сведений об избииении А [] сначала Соколовым, а затем Симаковым, не сомневаясь в том, что именно она видела.

По показаниям Ю [] на улице во время драки из сотрудников клуба она видела С [] и К [] С [] она позвонила, сообщив об инциденте, а К [] управляющая клубом, присоединилась к ней на улице минут через 7 после нее и находилась вместе с ней до конца, а именно до того времени как Ю [] уехала (т. 16 л.д. 54).

Сведения о телефонных соединениях подтверждают, что Ю [] действительно созванивалась с С [] (т.7 л.д. 169-183).

Из видеозаписи объяснений С [], которая приобщена к делу органом расследования по ходатайству стороны защиты и является видеодокументом, отвечающим требованиям ч.2 ст. 84 УПК РФ, а также из письменного документа, в котором изложено содержание указанных пояснений С [], следует, что он действительно присутствовал на улице возле клуба во время события преступления, что соответствует показаниям Ю [], подтверждая их достоверность.

Согласно указанному видеодокументу и его расшифровке С [] видел как «пьяные и разъяренные Соколов и Симаков» кричали: «Разнесем здесь весь этот клуб, хватит зверям в городе беспредел делать». Кроме того, когда А [] выносили на носилках, то Симаков по ним ударил и сказал: «Бросьте этот кусок мяса, он здесь больше не нужен» (т. 7, л.д. 25-27).

Указанное доказательство подтверждает показания Ю [] в той части, что Соколов и Симаков вели себя агрессивно, а агрессия Симакова проявилась в действиях, направленных против погибшего А []

Допрошенная в судебном заседании свидетель К [] отрицала тот факт, что являлась очевидцем преступления и вместе с Ю [] наблюдала действия Соколова и Симакова в отношении А [], о которых Ю [] дала показания. В ночь на 28 августа 2010 года она находилась в ночном клубе, где работала администратором. Около 3 часов она увидела, что охранники клуба А [] и П [] побежали в фойе, после чего услышала выстрел. Через две минуты спустилась в фойе и увидела сидящего

на стуле Ж[]. Затем выбежала на улицу, а по возвращении в фойе увидела, что «все разбито». Обстоятельства драки ей неизвестны.

Суд, критически оценил показания Ке[] приведя в приговоре достаточные тому мотивы, как того требует ст. 307 УПК РФ.

Указанная оценка суда 1 инстанции является обоснованной по следующим мотивам.

Из показаний свидетеля Ю[] и показаний свидетеля О[] следует, что Ю[] и К[] пытались подкупить в целях противодействия расследованию. Им предлагалось заявить, что они ничего не видели.

Именно таким образом поступила К[], заявив сначала на следствии 7 апреля 2011 года, а затем и в суде, что ее прежние показания на следствии о причастности осужденных к избиению А[] являются оговором, а на самом деле драку она не видела.

Однако данные показания К[] противоречат имеющимся доказательствам. Присутствие К[] около клуба в момент драки вместе с Ю[], помимо показаний последней, подтверждается видеобъяснением С[] который успокаивал сначала [] (Ю[], а затем администратора [] (К[], с которой выбежали (т.7 л.д.26).

Находясь во время драки сначала внутри клуба, а затем на улице рядом с Ю[], К[] имела возможность видеть происходящее. Поэтому ее показания на следствии о действиях Соколова и Симакова, соответствующие показаниям Ю[] свидетельствуют о том, что они являются результатом наблюдения действий осужденных.

Данные показания свидетель К[] не меняла на протяжении длительного времени. При этом они согласуются с другими доказательствами виновности осужденных.

Так, в показаниях от 30 августа 2010 года свидетель К[] показала, что 28 августа 2010 года около 3 часов 30 минут она увидела, что охранники А[] и П[] побежали в фойе, после чего услышала четыре «хлопка». Спустившись в фойе, увидела сидящего на стуле Ж[], который был без сознания. К нему подошел Б[] и, подняв его голову, ударил. После этого Соколов, Симаков и Б[] стали наносить лежащему А[] удары ногами. Затем Соколов нанес по голове и телу А[] удары обломком доски. Она выбежала на улицу, где велела Ю[] вызвать скорую помощь и милицию. Вернувшись в клуб, увидела, что Симаков бросил на голову А[] электрический обогреватель, а Соколов прыгнул ему на голову. Затем увидела, что Соколов и Симаков одновременно

бьют ногами А [] по голове, а Симаков, кроме того, пытался ударить потерпевшего ящиком стола (т. 1, л.д. 209-212).

В этот же день свидетель К [] подтвердив эти показания, уточнила, что не видела у А [] пистолета, а у Соколова имелось повреждение плеча (т. 1, л.д. 213-217).

3 сентября 2010 года свидетель К [], продемонстрировав действия Соколова и Симакова на месте преступления, подтвердила ранее данные показания, дополнив, что Соколов также бросал на голову А [] электрообогреватель (т. 1, л.д. 221-224).

На очных ставках с Симаковым и Соколовым свидетель К [] заявила, что они наносили удары А [] руками, ногами и электрическим обогревателем, а Симаков, кроме того, ударил потерпевшего ящиком стола (т. 1, л.д. 226-229, 232-235).

Анализ содержания вышеназванных показаний указывает на то, что свидетель, рассказывая об увиденном, была объективной в изложении фактов. Так она сообщила о том, что помимо осужденных в драке принимал участие свидетель Б []. При ее вмешательстве Соколов намахнулся на нее, но бить не стал, ударив А [] по голове, а Симаков, которого она схватила за руки, по этой причине не попал ящиком по голове А []. Следовательно, К [] в своих показаниях отмечала не только обстоятельства, касающиеся причинения повреждений А [], но и описывала обстановку происшествия и увиденное ею в целом. Таким образом, ее показания не были подчинены цели уголовного преследования осужденных, что не согласуется с ее последующими утверждениями об оговоре Соколова и Симакова.

Показания К [] о том, что она видела происходящую драку в фойе, поскольку собирала с пола вещи Ю [] и денежную выручку, согласуются с показаниями последней о том, что эти предметы остались в фойе, которое она покинула сразу после начала драки. Тот факт, что К [] принимала меры к сохранению денежной выручки, согласуется с ее служебными обязанностями, опровергает ее последующие доводы о ее шоковом состоянии. Показания К [] на следствии о том, что она находилась на улице перед входом в клуб, где встретила с Ю [], соответствуют показаниям последней.

Показания К [] о виновности Соколова и Симакова подтверждаются также показаниями свидетелей Ж [] и П [].

Свидетель П [] показала в суде, что, работая уборщицей в ночном клубе, явилась очевидцем драки в ночь на 28 августа 2010 года, обстоятельства которой помнит плохо, в связи с чем были оглашены ее показания на предварительном следствии, которые она полностью подтвердила.

Из них следует, что в ночь на 28 августа 2010 года она услышала два выстрела. Через 5 минут в фойе она увидела сидящего на стуле без сознания Ж [REDACTED]. В это время к нему подошел мужчина, поднял его голову и ударил его, что полностью соответствует показаниям К [REDACTED] об ударе, нанесенном Б [REDACTED] Ж [REDACTED]

Указанный факт К [REDACTED] не могла узнать от Ю [REDACTED], поскольку та находилась в это время на улице, а также от Ж [REDACTED] находившегося без сознания. Следовательно, показания П [REDACTED] подтверждают вывод суда, что К [REDACTED] являлась очевидцем драки.

Далее по показаниям П [REDACTED] она увидела А [REDACTED] лицо которого было в крови. Рядом с ним находились два молодых человека, один из которых был в разорванной рубашке светлого цвета. Эти молодые люди разговаривали с А [REDACTED] «на повышенных тонах». Также рядом с ними были разбросаны фрагменты кассы и электрический обогреватель. Она стала искать администратора, чтобы сообщить о случившемся, а затем около 10 минут находилась на кухне. По возвращении увидела, что те же молодые люди наносят лежащему на полу А [REDACTED] удары ногами по голове и телу. Она ушла в гардероб, где находилась до прибытия сотрудников милиции. Также дополнила, что молодой человек в разорванной рубашке выбегал в зал и требовал пригласить руководство клуба.

На очной ставке со свидетелем Б [REDACTED] П [REDACTED] подтвердила эти показания, заявив, что именно он наносил удары Ж [REDACTED] (т. 2, л.д. 153-156).

В ходе очной ставки со свидетелем А [REDACTED] [REDACTED] П [REDACTED] подтвердила, что он наносил удары А [REDACTED] совместно с Симаковым. При этом уточнила, что не смогла опознать Симакова, который сначала показался ей моложе, но, встретив его в следственном изоляторе, убедилась, что это именно он был в разорванной рубашке (т. 2, л.д. 163-166).

При допросе 22 апреля 2011 года и на очной ставке с Симаковым свидетель П [REDACTED] вновь показала, что Симаков наносил удары А [REDACTED] (т. 7, л.д. 105-108, 109-111).

Таким образом, показания П [REDACTED] являются логичными и последовательными, в связи с чем суд обоснованно привел их в приговоре в качестве одного из доказательств виновности осужденного.

Факт того, что в разорванной рубашке находился именно Симаков, установлен на основании многочисленных показаний свидетелей К [REDACTED] (т.16 л.д. 120), П [REDACTED] (т. 16 л.д. 245), П [REDACTED] (т. 16 л.д. 96), М [REDACTED] (т.17 л.д. 9), осужденного Симакова Д.А. (т.17 л.д. 218).

При этом отсутствие в показаниях Ю [REDACTED] упоминания о разорванной рубашке Симакова, не ставит под сомнение их относимость к

действиям осужденного. Из показаний свидетеля Ю [] следует, что она плохо запомнила одежду Симакова, описывая ее, как что-то светлое, то ли футболку, то ли рубашку (т. 2 л.д. 1-2,5 т. 16 л.д. 38). Названная неконкретность данных сведений указывает на свойства памяти и восприятия свидетеля. Однако это не влияет на вывод суда о совершении преступления Симаковым. Ю [] лучше запомнила не одежду, а действия лица, наносившего удары А []. При этом она наблюдала действия Симакова вместе с К [], и та назвала его фамилию, после того, как Симаков, ударив фрагментом стола А [], отошел от него и повернулся к ним лицом (т.16 л.д. 38).

Показания Ю [] и К [] о причастности осужденных к избиению А [], показания П [] в отношении Симакова подтверждаются показаниями свидетеля Ж [] на предварительном следствии от 28 августа 2010 года. По словам свидетеля, когда он пришел в себя после потери сознания, то увидел, что Соколов, а затем Симаков наносят по голове А [] удары электрическим обогревателем. Кроме того, он слышал, как Соколов высказал намерение «убрать» А [], когда не будет видеокамер (т. 1, л.д. 169-171).

На следующий день Ж [], подтвердив обстоятельства возникновения драки, пояснил, что Соколов и Симаков, спустившиеся в фойе с другими лицами, стали избивать его и А []. Он видел, как лежащему А [] наносят удары несколько человек. Затем один из мужчин, с которыми началась ссора, стал стрелять из пистолета, попав ему в ногу. После того, как пришел в себя, он увидел, что Соколов и Симаков нанесли электрическим обогревателем удары по голове лежащему на полу А [] (т. 1, л.д. 172-177).

В суде свидетель Ж [] показания на следствии не подтвердил, пояснил, что в ходе драки с Б [] и А [] дважды терял сознание. Видел А [], который также с кем-то дрался, но кто его бил ему неизвестно. Показания на следствии являются оговором осужденных с его стороны по просьбе К [], которая также их оговорила, согласовав с ним показания при встрече в больнице 28 августа 2010 года.

Оценивая показания свидетелей К [] и Ж [] в суде об оговоре осужденных, суд обоснованно подверг их сомнению.

Свидетели не привели убедительных мотивов, объясняющих необходимость в лжесвидетельстве против Соколова и Симакова.

Для того, чтобы не пострадала репутация клуба, было достаточно сообщить соответствующие действительности сведения о причинах, по которым возник конфликт. Оговора посетителей, а тем более конкретно Соколова и Симакова, не являвшихся зачинщиками драки, для этих целей не требовалось, что суд справедливо отметил в приговоре. В результате инцидента в большей степени пострадали охранники клуба – один скончался, а другой в бессознательном состоянии был госпитализирован. При таких

обстоятельствах у сотрудников клуба не имелось какой-либо необходимости в искусственном создании улик против осужденных.

При оценке показаний К [] и Ж [] суд правильно учел сведения, почерпнутые из показаний Ю [], О [] о том, что на свидетелей Ю [], К [] оказывалось воздействие, но не для оговора осужденных, а с противоположной целью – им предлагалось не сообщать сведения, которыми они располагали.

Более того, данный факт подтверждается и показаниями К []. На предварительном следствии после ее показаний о причастности Соколова и Симакова следователем ей был задан вопрос, оказывается ли на нее постороннее воздействие с целью изменения показаний. При этом К [] не ответила отрицательно, что было бы логично, в случае отсутствия такого воздействия либо в том случае, если бы с ее стороны действительно имел место оговор осужденных. Напротив, ее ответ, что она опасается говорить об этом, косвенно подтвердил показания Ю [] и О [] о том, что такое воздействие в указанных целях имело место (т.1 л.д. 220).

В судебном заседании К [] подтвердила факт встречи Ю [] днем 28.08.10 г. с В [], который и являлся тем лицом, который по показаниям Ю [] склонял ее к изменению показаний.

Таким образом, показания К [] частично подтверждают показания Ю [] об оказанном на нее воздействии.

Следовательно, в деле есть доказательства, что изменение показаний свидетелями К [] и Ж [] произошло не для спасения репутации клуба путем оговора осужденных, а в их интересах, когда свидетели, сообщившие сначала сведения о действительных обстоятельствах преступления, затем заявили о ложности своих показаний.

Версия К [] и Ж [] об оговоре Соколова и Симакова выглядит неубедительно, исходя из анализа содержания самих показаний и обстоятельств, сопутствующих «оговору».

По показаниям К [] она, действуя по указанию В [], встретила с Ж [] в больнице утром 28.08.10 года, где договорилась с ним об оговоре осужденных. При этом встреча была максимально короткая, порядка двух минут, в коридоре (т.16 л.д. 174). Как следует из показаний К [], они обговорили только цель – представить виновными Соколова и Симакова. Из конкретных обстоятельств обсудили только вопрос о нанесении ударов обогревателем. Как следует из показаний Ж [], он дал показания в значительно большем объеме, чем было обговорено по показаниям К []. Ж [] сообщил о выстрелах из пистолета, о нанесении ударов А [] ногами одним из мужчин из компании Соколова и Симакова, о словах Соколова, что он «уберет» А [], когда не будет видеокамер (т.1 л.д.169-171, 173-176).

Содержание сообщенных Ж [] фактов явно не соответствует утверждению, что он не являлся очевидцем избиения А [] а объем информации несоразмерен продолжительности разговора с К [].

Показания К [] и Ж [] о том, что за 2 минуты общения Ж [], находясь в болезненном состоянии, не являясь очевидцем преступления, смог запомнить, а затем воспроизвести при допросе требуемую, ранее неизвестную ему, ложную информацию, не возбудив никаких подозрений у следователя, являются маловероятными.

Из показаний следователей К [] и С [] следует, что у них не возникло сомнений, что Ж [] является очевидцем преступления.

Во время беседы К [] с Ж [] в больнице она не увидела на его лице каких-либо повреждений. Между тем у Ж [] установлены телесные повреждения, а именно множественные кровоподтеки лица и ушибленорваная рана правой ушной раковины, которые К [] не могла не заметить, если бы действительно видела Ж [] 28.08.10 г., в связи с чем суд обоснованно отдал предпочтение ее показаниям, по которым первая встреча с Ж [] произошла спустя полторы-две недели после драки, что опровергает версию об оговоре осужденных.

Подтверждением данному факту также служат и показания свидетеля П [] о том, что, судя по информации о входящих и исходящих соединениях К [], она 28-29 августа 2010 года находилась в районах города [], вдалеке от больницы, где лечился Ж [].

Показания К [] об обстоятельствах драки проверялись на месте происшествия, где свидетель свободно ориентировалась и без затруднений излагала последовательность действий участников драки, которую она наблюдала, что не согласуется с ее версией о заученном наизусть рассказе обстоятельств, сочиненном за нее В [].

Версия К [] о том, что она решила рассказать правду об оговоре после консультации с защитником 7.04.2011 года, содержит в себе внутреннее противоречие. К [] показала в суде, что адвокат велел сначала оплатить квитанцию, затем выдал ей квитанцию, а потом уже проконсультировал (т. 16 л.д. 189, 190). Следовательно, он сначала выписал квитанцию и только после этого узнал, с какой проблемой обратилась К []. Однако указанная последовательность событий текстом квитанции не подтверждается. В ней отмечена тема консультации - ст. 307 УК РФ, которую, исходя из показаний К [] адвокат еще не мог знать при заполнении бланка квитанции. Указанное противоречие ставит под сомнение показания К [] об обстоятельствах и причинах, по которым была оформлена указанная квитанция.

Является противоречивым и маловероятным утверждение К [] , что указанная квитанция пролежала в ее паспорте с 7 апреля 2011 года до февраля 2012 года, когда К [] ее «случайно» обнаружила и захватила с собой в суд 16 февраля 2012 года (т. 16 л.д. 189).

На основе анализа показаний свидетелей К [] и Ж [] об обстоятельствах оговора осужденных, суд сделал обоснованный вывод о наличии в них существенных противоречий, что ставит под сомнение их достоверность. На основании изложенного суд правомерно счел опровергнутой версию К [] и Ж [] об оговоре осужденных, отдав предпочтение показаниям К [] и Ж [] на следствии, в которых они изобличали Соколова и Симакова в совершении преступления.

Критика стороной защиты показаний К [] , Ж [] , П [] по тем мотивам, что они противоречат друг другу в некоторых деталях, не дает оснований считать их недостоверными.

Расхождения в показаниях К [] и Ж [] о том, кто первый, Соколов или Симаков, нанес удар обогревателем, о нанесении удара третьим неустановленным мужчиной, отсутствие в показаниях П [] сведений об участии в драке Соколова и т.п., не свидетельствуют о том, что очевидцы по-разному описывают одни и те же действия, совершенные в течение одного и того же промежутка времени. Из показаний К [] на следствии известно, что она драку наблюдала не с самого начала, передвигалась по клубу, выбегала на улицу, возвращалась собрать выручку, с участниками драки не контактировала, П [] наблюдала незначительный фрагмент драки на завершающем этапе, в контакт с дерущимися также не вступала, отлучалась на кухню и в гардероб, Ж [] терял сознание и видел происходящее также фрагментарно.

Показания П [] и А [] не видевших К [] , показания П [] о том, что Соколов после ранения вышел на улицу и в драке не участвовал, не опровергают показаний Ю [] и К [] об их присутствии на месте происшествия, о действиях Соколова, поскольку П [] отлучался с места драки в поисках биты, а А [] после выстрела в глаз выбежал на улицу, где ожидал приезда скорой помощи.

Поэтому указанные расхождения в показаниях объяснимы вышеуказанными особенностями условий восприятия свидетелей, которые находились в фойе в разные интервалы времени, не наблюдали полностью событие преступления от начала до конца, в связи с чем говорить о существенных противоречиях в их показаниях нет оснований.

Анализируя показания свидетелей, суд обоснованно отметил, что на восприятие события не мог не повлиять его динамичный характер и эмоциональный фон.

Тот факт, что свидетели А [] Ж [] и др. не видели К [] объясним и тем, что их внимание и внимание других участников драки, когда они находились в фойе клуба, было полностью поглощено самим конфликтом. В таких условиях наличие в восприятии участников драки пробелов о лицах, которые в ней не участвовали, т.е. отсутствие воспоминаний о К [], П [] и т.п. объяснимо вышеуказанными естественными причинами.

Показания свидетелей А [] Б [] о том, что Соколов не участвовал в избиении А [], судом оценены и признаны недостоверными, с чем Судебная коллегия согласна по мотивам, изложенным в приговоре.

Показания свидетелей Б [] и Н [] (сотрудников милиции) обоснованно оценены судом, как не опровергающие первоначальных показаний К [], поскольку свидетели не сообщили конкретных сведений, которые были ими получены от администратора клуба и свидетельствовали бы о том, что К [] очевидцем преступления не является. Кроме того, из показаний свидетелей невозможно сделать вывод о том, насколько тщательно выяснялся у К [] вопрос о ее осведомленности в отношении обстоятельств происшествия.

Из показаний свидетеля К [] следует, что к клубу он подъехал, когда на улице уже находился раненый в глаз А [] то есть через неустановленное время после начала драки, в которой участия не принимал. Поэтому его показания, что Соколов в окровавленной одежде к этому времени находился перед клубом, не опровергают показаний очевидцев о том, что до этого осужденный принимал участие в избиении А [].

Вывод суда о виновности осужденных подтверждается также письменными и вещественными доказательствами, заключениями экспертов, видеозаписью пояснений сотрудников клуба.

При осмотре места происшествия установлено место преступления, а также обнаружены и изъяты пули от травматического оружия и металлический электрообогреватель (т. 1, л.д. 77-80). В ходе осмотра трупа А [] обнаружены имевшиеся на нем повреждения (т. 1, л.д. 84-89). При осмотре гаража во дворе ночного клуба обнаружены и изъяты декоративная решетка батареи отопления, части стола и стула (т. 1, л.д. 113-123).

Согласно экспертному заключению по результатам генетического исследования на брюках А [], шнуре и вилке электрообогревателя обнаружена кровь, в примеси которой содержится кровь, свойственная по своим признакам подсудимому Соколову (т. 4, л.д. 78-125).

Из заключений эксперта следует, что в пятнах крови на фрагментах и ящиках стола, а также футболке погибшего А [] обнаружена кровь, свойственная Соколову и Симакову (т. 4, л.д. 189-196, 203-209).

Суд сделал правильный вывод, что результаты экспертиз подтверждают факт контакта погибшего с осужденными, после того как у них возникли источники открытого кровотечения. При этом вывод суда о конкретных обстоятельствах, при которых была испачкана одежда, не имеет существенного значения для установления подлежащих доказыванию обстоятельств дела. Наличие источников открытого кровотечения в совокупности с заключением экспертизы о возможном присутствии на вещественных доказательствах крови осужденных в примеси с кровью А [REDACTED], позволило суду сделать обоснованный вывод о доказательственном значении экспертиз, в связи с чем критика приговора в этой части не содержит доводов, дающих основание для его отмены.

По заключению эксперта П [REDACTED] при исследовании трупа А [REDACTED] обнаружена опасная для жизни и повлекшая его смерть закрытая черепно-мозговая травма, сопровождающаяся ушибом головного мозга с кровоизлиянием в его стволовой отдел и под мягкую мозговую оболочку; повлекшие легкий вред здоровью ушибленные раны головы и перелом костей носа, а также не повлекшие вреда здоровью ссадины и кровоподтеки лица, туловища и конечностей. Ссадина и кровоподтек бедра могли образоваться от действия пули в результате выстрела из травматического оружия. При падении с высоты собственного роста указанные повреждения образоваться не могли (т. 3, л.д. 131-133).

Эксперт П [REDACTED] разъясняя свое заключение, сообщил, что отдельные повреждения могли образоваться при падении, что, по выводам суда, противоречит выводам экспертов, изложенным в актах трех последующих комиссионных судебно-медицинских экспертиз по материалам дела, которым суд отдал предпочтение, мотивировав свой вывод.

В действительности существенных противоречий между выводами экспертов не усматривается, поскольку эксперт П [REDACTED] помимо вывода о возможности получения отдельных повреждений вследствие падения, уточнил, что указанный вывод не относится ко всей совокупности повреждений, повлекших черепно-мозговую травму, которая при падении образоваться не могла (т.17 л.д. 91).

Комиссией экспертов сделан не противоречащий этому вывод о том, что черепно-мозговая травма причинена в результате совокупности множественных (не менее 6) ударов по голове твердым тупым предметом (предметами) (т.3 л.д.161, 181, 203). В совокупность травмирующих воздействий, могли входить удары рукой, босой ногой, ногой обутой в мягкую обувь (тапочки или резиновые сланцы), в том числе прыжок человека весом не менее 100 кг, обутого в мягкую обувь, удары или броски электрическим обогревателем массой 6,8 кг (т.3 л.д. 203). Однако, учитывая наличие множественных ран на голове пострадавшего, причинение имеющейся черепно-мозговой травмы только ногами, в том числе босой ногой, ногой обутой в мягкую обувь, а также при прыжке человека весом не менее 100 кг, обутого в мягкую обувь, исключается (т.3 л.д. 161, 204).

Доводы адвоката Буракова и др. о наличии в указанных выводах экспертов противоречий являются ошибочными.

Комментируя указанные комиссионные заключения, эксперт П [] пояснил, что не усматривает противоречий в указанных актах экспертиз, в том числе и противоречий с собственным заключением, не согласившись только с категоричностью вывода о не менее чем 6 травмирующих воздействиях. Однако указанное отличие в выводах экспертов не является существенным для доказывания юридически значимых обстоятельств дела, поэтому не свидетельствует о необоснованности приговора в этой части.

Таким образом, вывод экспертов исключает версию о причинении закрытой черепно-мозговой травмы в результате неосторожных действий Симакова, который прыгнул на упавшего затем А [].

В опровержение выводов экспертиз стороной защиты представлено заключение специалиста В [], который был допрошен в судебном заседании и подверг сомнению правильность выводов экспертов о причине смерти.

Суд, оценивая указанное доказательство, счел выводы специалиста В [] основанными на предположениях об иной причине смерти.

Как следует из пояснений В [] в судебном заседании, исходя из описания вскрытия трупа А [] полость спинномозгового канала не исследовалась, травма позвоночника как причина смерти не исключена, а указание на прозрачность ликвора свидетельствует, по мнению специалиста, об отсутствии в нем следов крови, что обязательно должно быть при черепно-мозговой травме. В связи с чем, по мнению В [] можно говорить о травме позвоночника, как основной причине смерти.

Доводы кассационных жалоб о том, что суд не должным образом подошел к оценке указанных противоречий, Судебная коллегия находит неубедительными.

Мнение специалиста В [] действительно основано на предположении, что травма позвоночника, как причина смерти, не была исключена в ходе судебно-медицинского исследования трупа А [].

Между тем данное предположение опровергнуто показаниями эксперта П [] который пояснил, что позвоночник им исследовался, что подтверждается внутренним исследованием трупа А [] («кости таза, позвоночник, ребра целы» т.3 л.д. 132). Суждение специалиста о том, что такого указания недостаточно для вывода о вскрытии спинномозгового канала, к числу фактов не относится и показаний эксперта П [] не опровергает. Оснований не верить эксперту суд не усмотрел, тем более, что отсутствие подробного описания результатов вскрытия позвоночника им объяснено отсутствием патологии. Указанное объяснение является приемлемым и достаточным для вывода, который сделан судом.

В заключении эксперта действительно не описан цвет ликвора, который обнаружен в боковых желудочках в незначительном количестве.

Однако, по выводам суда, факт его прозрачности не свидетельствует о том, какого он цвета. При этом выводы экспертов о черепно-мозговой травме мотивированы наличием в синусах твердой мозговой оболочки жидкой темно-красной крови, а в мягкой мозговой оболочке, которая влажная, полнокровная и отечная, следов тотального кровоизлияния красного цвета по всей поверхности полушарий.

Данная морфологическая картина повреждений, установленная при вскрытии трупа А [] положена в основу выводов экспертов о черепно-мозговой травме, с учетом результатов судебно-гистологического исследования о выраженном отеке головного мозга и его оболочек и периваскулярных кровоизлияниях в резко отечных оболочках продолговатого мозга, в веществе мозга ствола, о микрокровоизлияниях в веществе продолговатого мозга без выраженной перифокальной воспалительной реакции (т.3 л.д. 132).

Таким образом, доводы специалиста В [] противоречащие мотивированным выводам экспертиз, обоснованно подвергнуты критической оценке, с приведением ее оснований, как того требует ст. 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Председатель экспертной комиссии Д [] и ее член П [] данные ими заключения подтвердили, пояснив, что представленных им материалов для исследований было достаточно. Д [] кроме того, разъясняя и дополняя эти заключения, показал, что закрытая черепно-мозговая травма у А [] образовалась в результате совокупности ударов, которые могли быть причинены руками и ногами, а также электрообогревателем, но не могли быть причинены отдельно только руками, ногами или обогревателем.

В связи с изложенным вывод суда о причине смерти А [], основанный на актах экспертиз, которым дана надлежащая оценка, является правильным.

Стороной защиты в судебном разбирательстве оспаривались доказательства виновности Соколова по тем мотивам, что причиненная ему выстрелом травма плеча, а также полученная ранее, не в связи с инкриминируемым деянием, травма пальца правой руки, исключали возможность использования им в ходе драки тяжелого предмета, такого как электрический обогреватель. Аналогичные доводы приводятся в кассационных жалобах. Отвергая данные доводы, суд обоснованно привел в приговоре результаты, полученные в ходе экспертного исследования.

Так из заключения эксперта следует, что у Соколова обнаружена повлекшая средней тяжести вред здоровью огнестрельная слепая рана правого плеча от действия пули при выстреле из огнестрельного (травматического оружия), исключена возможность у Соколова наносить сильные, резкие удары правой рукой (т. 3, л.д. 229-230).

Эксперт Т [REDACTED], разъясняя и дополняя выводы этого заключения, показал, что вывод о степени тяжести вреда здоровью Соколова им сделан исходя из сведений о нагноении раны и повреждении нервов. Соколов не мог поднимать правой рукой предметы, а также совершать ею другие активные действия, но не исключена возможность подъема подсудимым предметов с помощью обеих рук.

В соответствии с выводами комиссионной экспертизы № 102 от 6-30 декабря 2010 года решить вопрос о способности Соколова В.В. наносить удары рукой другому лицу, поднимать, манипулировать и наносить удары другому лицу электрообогревателем массой 6,8 кг после получения ранения правого плеча не представляется возможным ввиду отсутствия критериев, позволяющих определить физические возможности конкретного человека (отсутствие методик, позволяющих определить порог болевой чувствительности после получения повреждений). Однако, учитывая расположение раны на задневерхней поверхности правого плеча, вид ранящего снаряда, отсутствие объективных признаков повреждения нервных стволов правой верхней конечности, отсутствие потери или снижения двигательной функции правой верхней конечности, позволяет полностью не исключать возможность осуществлять движения правой рукой (в т.ч. наносить удары рукой другому лицу, поднимать, манипулировать и наносить удары другому лицу вышеуказанным электрообогревателем) после получения огнестрельного ранения правого плеча (т.3 л.д. 262-263).

Указанный вывод по показаниям экспертов сделан ими с учетом данных о массе электроприбора, его форме, установленной у Соколова посттравматической нейропатии срединного нерва без нарушения функций кисти, что отражено в исследовательской части заключения (т.3 л.д. 261). Влияние указанного заболевания на возможность совершать инкриминируемые действия определялась с участием врача-невролога Т [REDACTED] имеющей стаж работы 30 лет, о чем эксперты дали разъяснения в судебном заседании. Тот факт, что данный вывод не изложен отдельно, не является существенным нарушением, поскольку отдельный вопрос о влиянии данного заболевания следователем не ставился (т.3 л.д. 256).

Таким образом, отрицательные выводы экспертов о возможности совершения Соколовым инкриминируемых действий вследствие травмы правой руки не являются категоричными, такая возможность экспертами полностью не исключена, что указывает на отсутствие в выводах экспертов существенных противоречий по данному вопросу, как это ошибочно полагает защитник.

В экспертном исследовании участвовали высококвалифицированные специалисты, в том числе практикующие врачи - специалисты в области неврологии и травматологии. Оснований сомневаться в правильности данных выводов, в том числе с учетом доводов о неполноте исследования,

Судебная коллегия не усматривает. Каких-либо значимых фактов, ставящих под сомнение выводы экспертов и суда, доводы кассационных жалоб не содержат. Доводы о незаконном включении в состав комиссии вышеуказанных специалистов приведены в жалобе без учета полномочий Д [] как одного из руководителей экспертного учреждения, о чем он дал показания в судебном заседании.

С учетом выводов экспертов не имеется оснований согласиться и с доводами жалоб об ошибочности выводов суда в отношении доказанности деяния Соколова. Факт совершения вышеуказанных действий осужденным (с использованием электрообогревателя) прямо подтверждается показаниями на следствии свидетелей К [] и Ж [] а выводы экспертов возможность таких действий не исключают.

Всем имеющим значение актам экспертиз дана правильная оценка. Суд обоснованно не усмотрел оснований для проведения дополнительных и повторных экспертных исследований в отношении трупа А [] с его эксгумацией, а также в отношении Соколова, мотивировав свой вывод, в том числе в отдельном постановлении от 20 апреля 2012 года. Оснований для удовлетворения кассационных жалоб по данным доводам не усматривается.

Суд также мотивированно отверг доводы стороны защиты об исключении из числа допустимых ряда доказательств, поскольку не установил нарушений уголовно-процессуального закона при их собирании.

Обоснованно отклонены доводы стороны защиты о том, что заключения экспертов являются недопустимыми доказательствами в связи с тем, что подсудимые и их защитники не были своевременно ознакомлены с постановлениями об их назначении. Суд правильно указал, что сам по себе факт несвоевременного ознакомления подсудимых и защитников с постановлениями о назначении судебных экспертиз, не может служить бесспорным основанием считать их право на защиту нарушенным, поскольку ни они, ни их защитники в ходе предварительного и судебного следствия не только не были ограничены в праве заявить ходатайства о проведении повторных или дополнительных исследований, но и неоднократно им воспользовались.

Нельзя согласиться с заявлением стороны защиты о недопустимости представленного стороной обвинения заключения экспертной комиссии в отношении Соколова в связи с тем, что при проведении этого исследования не участвовали защитники. Согласно п.5 ч.1 ст. 53 УПК РФ защитник вправе присутствовать при проведении следственных действий с участием обвиняемого. Экспертиза, которая проводится экспертом, к числу следственных действий не относится. Поэтому нарушения п.5 ч.1 ст. 53 УПК РФ в связи с указанными обстоятельствами не усматривается. Суд также правильно указал, что в соответствии с положениями ст. 198 УПК РФ обвиняемый и его защитник наделены правом присутствовать при

производстве экспертизы и давать разъяснения эксперту, но только с разрешения следователя, которое в этом случае им дано не было.

Все экспертные заключения соответствуют требованиям ст. 204 УПК РФ. Методикой комиссионных экспертиз, которые проводились без исследования трупа по материалам дела, являлось изучение медицинских документов, содержание и результаты исследований которых в каждом акте экспертизы изложены.

Вопреки доводам защитников и осужденных каждый из экспертов был предупрежден об уголовной ответственности за заведомо ложное заключение, а представленные им для исследований материалы были достаточными, что, помимо содержания самих заключений, подтверждено и показаниями экспертов.

Стороной защиты преувеличена значимость указания одного и того же времени производства осмотра трупа А [] и его экспертного исследования, поскольку, как правильно отметил суд, данное несоответствие очевидно является технической ошибкой и обоснованно не отнесено судом к числу существенных нарушений уголовно-процессуального законодательства, с чем Судебная коллегия согласна, так как указанное обстоятельство не влияет на оценку результатов вскрытия, факт которого под сомнение не ставится.

Не умаляет доказательственного значения и указанные стороной защиты расхождения в описании следователем и экспертом внешних телесных повреждений на трупе А [] так как суду не представлено убедительных доказательств, что это обстоятельство могло повлечь иные выводы эксперта о причине его смерти.

Установив на основании вышеизложенных доказательств действия Соколова и Симакова по нанесению А [] телесных повреждений и сопоставив их с установленным объемом повреждений, с учетом выводов о механизме образования, числе травмирующих воздействий, суд пришел к обоснованному выводу о наличии причинной связи между действиями осужденных и закрытой черепно-мозговой травмой, обусловившей наступление смерти А []

В связи с этим показания свидетелей – сотрудников скорой помощи С [] и Д [] о том, что избиение А [] продолжалось, когда Соколов уже не участвовал в нанесении ударов, обоснованно оценены судом как не ставящие под сомнение вывод о наличии причинной связи между смертью А [] и действиями Соколова, поскольку установленные судом действия Соколова, а также Симакова являлись достаточными для причинения А [] тех повреждений, которые находятся в причинной связи с его смертью.

Доводы кассационной жалобы Соколова В.В. об обнаружении на электрообогревателе следа папиллярных линий неустановленного лица,

приведены в отсутствие сведений о том, что данный след возник в юридически значимый период времени, поэтому не содержат фактов, оправдывающих осужденных.

Действиям Соколова и Симакова дана правильная юридическая оценка.

Доводы о том, что суд нарушил требования ст. 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, выйдя за пределы предъявленного обвинения, являются преувеличением.

Тот факт, что установленные фактические обстоятельства суд оценил в качестве обоюдной драки между А [] и осужденными, является не установлением новых обстоятельств, а правовой оценкой обстоятельств, вошедших в обвинение и нашедших подтверждение в суде. Данные выводы суд излагал в контексте суждений об отсутствии в действиях Соколова и Симакова необходимой обороны, с чем Судебная коллегия согласна по мотивам, изложенным в приговоре. Соколову и Симакову привилегированный состав преступления, предусмотренного ст. 108 УК РФ, не вменялся. Вывод суда об отсутствии необходимой обороны в их действиях не содержит новых для них обстоятельств по сравнению с предъявленным обвинением, их право на защиту от предъявленного обвинения не нарушает. Положение подсудимых судом ухудшено не было, как это ошибочно считает сторона защиты.

Суд правильно, исходя из установленных обстоятельств, оценил мотивы и умысел осужденных, квалифицировав их действия как убийство, совершенное группой лиц.

При назначении наказания суд учел характер и степень общественной опасности преступления, личность осужденных, наличие смягчающего обстоятельства у осужденного Соколова и отсутствие таковых у Симакова, положительные характеристики обоих, отсутствие отягчающих обстоятельств.

В связи с изложенным назначенное наказание не является чрезмерно мягким, оснований для отмены приговора ввиду несправедливости приговора по доводам жалобы потерпевшей Судебная коллегия не усматривает.

Вместе с тем, Судебная коллегия считает, что суд при назначении наказания не в полной мере учел обстоятельства, имеющие значения для определения справедливого наказания.

В частности суд, оценивая действия потерпевшего А [] как правомерные, не учел всю совокупность обстоятельств, имеющих значение для такого вывода. А [] действительно, правомерно вступился за Ж [] который, находясь на рабочем месте, подвергся насилию со стороны посетителей клуба Б [] и А [], оспоривших правомерность его требований, высказанных им при осуществлении обязанностей по охране

общественного порядка в помещении клуба. Однако, начатые как правомерные, действия А [] в отношении А [] закончились выстрелом из травматического пистолета в жизненно важный орган – голову А [] с причинением ему тяжкого вреда здоровью - повреждением глаза, что могло быть оправдано лишь при угрозе жизни охранникам клуба, которая в тот момент отсутствовала. Указанные неправомерные действия потерпевшего дали повод для применения к нему насилия со стороны Соколова и Симакова, которые вступились, в свою очередь, за А []

При этом Соколов, еще не совершивший посягательства на А [] был ранен выстрелом из травматического пистолета в руку. В связи с этим Соколов и Симаков, вступившийся, в свою очередь, за Соколова, имели основания считать действия А [] в отношении Соколова необоснованным применением огнестрельного оружия. Указанные обстоятельства, относящиеся к началу столкновения А [] с Соколовым, подтверждаются показаниями последнего, показаниями осужденного Симакова, свидетеля П [], актом судебно-медицинской экспертизы об огнестрельном ранении Соколова и др.

Следовательно, вывод суда об отсутствии у осужденных смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «з» ч.1 ст. 61 УК РФ («противоправность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления»), не основан на фактических обстоятельствах дела. Судебная коллегия считает, что в действиях осужденных усматривается данное смягчающее обстоятельство, в связи с чем назначенное наказание подлежит смягчению.

Вместе с тем, наличие указанного смягчающего обстоятельства не дает оснований для вывода о том, что действия Соколова и Симакова в отношении А [] были совершены в условиях необходимой обороны либо с превышением ее пределов, поскольку действия осужденных, начатые как оборонительные переросли в избиение А [] по мотивам, которые не были продиктованы необходимостью защиты, сопровождалось нанесением ему множественных ударов, в том числе с использованием различных травмирующих предметов в жизненно важные органы, продолжались, когда А [] уже не оказывал сопротивления.

В части назначения дополнительного наказания в виде ограничения свободы Судебная коллегия полагает необходимым уточнить установленное ограничение в виде явки для регистрации указанием на конкретное количество явок для регистрации в специализированный государственный орган, а именно один раз в месяц.

Руководствуясь ст. 377, 378 и 388 УПК РФ, Судебная коллегия

определила:

приговор Курганского областного суда от 8 июня 2012 года в отношении Соколова В. [REDACTED] В. [REDACTED] и Симакова Д. [REDACTED] А. [REDACTED] изменить. Срок наказания в виде лишения свободы осужденным Соколову В.В. и Симакову Д.А. снизить до 14 лет каждому.

В части назначения дополнительного наказания в виде ограничения свободы уточнить установленное ограничение в виде явки для регистрации обязанностью являться в специализированный государственный орган один раз в месяц.

В удовлетворении кассационных жалоб осужденных Соколова В.В., Симакова Д.А., адвокатов Буракова В.Е., Чечерина О.В., Михайловича И.М., Асулбаевой Т.С., потерпевшей Ш. [REDACTED] – отказать.

Председательствующий

Судьи